

УДК 32.019.5

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ У РАЗЛИЧНЫХ ПОКОЛЕНИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Д. А. Омельченко, С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. К. Щеглова

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: omelchenko@edu.asu.ru, svet-maximova@yandex.ru, noe@list.ru, daschul9@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)4-07

Образ страны, государства, наряду с образами народа, нации, выступает одним из важнейших элементов оформления и функционирования гражданской идентичности, играя роль идентификационного референта, с которым сопоставляются мысли и переживания, установки и жизненные устремления граждан. Это сложный социальный конструкт, формируемый и изменяемый под влиянием множества различных сил — политического, социального и культурного характера, анализ его содержания необходим как из научных соображений, так и практической необходимости, в том числе связанной с оценкой эффективности социальных институтов, ответственных за формирование национального самосознания, гражданственности, патриотизма. Статья основывается на результатах анализа научной литературы и проведенных в четырех регионах России (Алтайском и Хабаровском краях, Калининградской и Воронежской областях) психосематических исследованиях, направленных на реконструкцию и описание пяти образов России: «имперской России», «советской России», «России настоящего», «России в будущем» и «идеальной России». Авторы вычлениют базовые характеристики, присущие каждому образу, и исследуют основания для их дифференциации. Отдельное направление анализа связано с выявлением межпоколенческих различий в восприятии образов, которые, как заключают авторы, не являются непреодолимыми, а отражают ожидания и предпочтения в ориентирах и приоритетах развития.

Ключевые слова: образ России, гражданская идентичность, конструирование образа, ментальные репрезентации, образ будущего, межпоколенческие разрывы, психосемантика, семантические пространства

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31459 «Гражданская идентичность и конструирование образа будущего России: ценностные разрывы и солидарность поколений».

IMAGE OF THE FUTURE OF RUSSIA AMONG DIFFERENT GENERATIONS: CONCEPTUAL BACKGROUND AND EMPIRICAL RESULTS

D. A. Omelchenko, S. G. Maximova, O. E. Noyanzina, D. K. Scheglova

Altai State University, Barnaul, Russia,

e-mail: omelchenko@edu.asu.ru, svet-maximova@yandex.ru, noe@list.ru, daschul9@mail.ru

The image of the country, along with the images of the people, the nation, is one of the most important elements of formation and functioning of civic identity, playing the role of an identification referent with which the thoughts and feelings, attitudes and life aspirations of citizens are compared. This is a complex social construct, influenced by many different forces — political, social and cultural in nature, the analysis of its content is necessary both from scientific considerations and practical necessity, including related to the assessment of the effectiveness of social institutions responsible for the formation of national identity, citizenship, patriotism. The article is based on the results of the analysis of scientific literature and psychosemantic experiments conducted in four regions of Russia (Altai and Khabarovsk regions, Kaliningrad and Voronezh regions) aimed at the reconstruction and description of five images of Russia: “imperial Russia”, “Soviet Russia”, “Russia of the present”, “Russia in the future” and “ideal Russia”. The authors reveal the basic characteristics inherent in each image and explore the grounds for their differentiation. A separate direction of the analysis was the identification of intergenerational differences in the perception of images, which, as the authors conclude, were not insurmountable, but reflect expectations and preferences in landmarks and development priorities.

Keywords: image of Russia, civic identity, reconstruction of image, mental representations, inter-generational gap, psychosemantics, semantic spaces

Введение

Образ будущего России является значимым показателем социальных настроений и ожиданий россиян, характеризует состояние гражданской идентичности, формирует потенциал и направленность гражданской активности, выбор форм и моделей гражданского участия. Этот образ не статичен, он постоянно конструируется, деконструируется и реконструируется под влиянием целенаправленной деятельности социальных агентов — государства, СМИ, системы образования и других социальных институтов. Между тем очевидно, что имеются и инвариантные, ядерные характеристики образа, выступающие основанием позитивной идентификации граждан, их консолидации, особенно в наиболее трудные, кризисные периоды.

Цель данной статьи — представить обзор и результаты поиска адекватных методологических и теоретических оснований анализа образа России, моделей его формирования, и продемонстрировать возможности психосемантического подхода

для изучения структуры и содержания образов России в общественном сознании жителей российских регионов, в том числе — в разрезе разных поколений. В мировой и особенно отечественной традиции поколенческие различия, взаимоотношения между «отцами» и «детьми» часто маркируются как «разрыв» или «конфликт», имеющий циклический характер и отражающий социальные сдвиги и культурную динамику, трансформации статусно-ролевой функции общества, его цивилизационного потенциала, ценностных ориентаций и позиций людей (Дубин, 1995). Технологический прогресс и следующие за ним изменения социальной и культурной жизни нарушают воспроизводство социальных идеалов, трансформируют их содержание и способствуют увеличению данного «разрыва», что проявляется в различиях в восприятии и оценке событий политической, экономической и культурной жизни, базовых установках и ценностных ориентациях, регулирующих жизненные устремления, и в конечном итоге жизненных траектории и стратегии граждан.

В российском обществе указанные разрывы усиливаются наличием структурных барьеров, возникших вследствие радикальных политических и экономических реформ и разрушивших традиционные механизмы социальной мобильности и трансляции социокультурного опыта. В глазах каждого последующего поколения этот опыт не только теряет ценность, но и становится дискредитированным вследствие манипуляций с исторической памятью и девальвации гуманитарного знания, важной функцией которого является поддержание высокого уровня критичности и рефлексии, осмысленного отношения к своей истории. Означает ли это, что у проживающих в одном времени и относительно однородном (учитывая множественные основания дифференциации) пространстве жителей России нет общих точек соприкосновения в ответах на вопросы «Какая она, Россия?», «Каким мы хотим видеть ее будущее?», а значит, перспективы построения будущего, которое бы устраивало всех, невозможно? Или поколенческий «разрыв» — это не разрыв, а скорее «растяжение», сохраняющее общую систему координат и приводящее к сдвигу отдельных элементов этой оптики, через которую происходит восприятие образа страны как хронотопа, перекрестка пространственно-временных характеристик? Отталкиваясь от результатов проведенных экспериментов, авторы пытаются ответить на эти вопросы, инициируя дискуссию о комплексном характере социального восприятия образа России как многослойного социального конструкта.

Категория образа страны в контексте междисциплинарных исследований

Образ является одной из важнейших философских и психологических категорий, аккумулирующих различные бытийные и когнитивные аспекты, характер и меру рефлексии о реальности, определяющих познавательные и деятельностные процессы (Любимов, 2007). В наиболее обобщающих определениях образа подчеркивается, что он является результатом отражения объектов реального (или выдуманного) мира в сознании человека, тогда как в материальном плане образы воплощаются в форме практических действий, отражены в языке и других знаковых моделях. Категория психического образа является ключевой в структуре научных представлений о душе и сознании, несводимой ни к физическим, ни к физиологическим процессам. Именно в психических образах находит свою представленность

окружающая действительность, независимо от ее переработки человеческим сознанием, наличия или отсутствия мыслей о ней (Петровский, Ярошеский, 1998).

Важной характеристикой образа является его объектная отнесенность, что не эквивалентно его объективности. Образ может ассоциироваться с кем-то конкретным, широким кругом отношений, предметов, вещей, либо с абстрактными конструктами сознания. Между тем образ всегда несет в себе элемент познания, субъектности. Объектный референт образа всегда противопоставлен его субъективному содержанию, имеет место диалектическое взаимодействие между субъектом и объектом образа, бытия и отображения, это специфическое коммуникативное действие и взаимодействие субъекта и объекта. С точки зрения когнитивистики, образ является ментальной репрезентацией фрагмента реальности, фиксируемого в сознании опосредованно, при активном участии эмоций, образующих совместно со смыслами и ментальными знаками устойчивые комплексы (Уланович, 2010).

Исследуя понятие образа страны, С. И. Семенов отмечает, что это знаковая модель, опосредующая представления о национально-государственной общности и ее членах через доступные обывателю сознанию понятия и суждения (Семенов, 2008). По мнению В. Б. Земскова, образ страны, с необходимостью включающий в себя и образ своего народа, своей нации, строится путем обязательного выделения образа «других» народов и стран, поскольку «созданные той или иной культурой образы утверждают собственную идентичность чаще всего в противополжении „себя“ — „другим“» (Земсков, 2006). На основе межгрупповой категоризации и дифференциации формируются позитивные групповые идентичности, приводящие к распространению преимущественно положительных эмоционально окрашенных автостереотипов по сравнению с нейтральными или чаще негативными гетеростереотипами. Изучение содержания образов страны позволяет понять особенности этносоциальных процессов, происходящих в данный момент в обществе (Муха, 2013).

Исследователи отмечают, что образ современного государства является динамичным феноменом, чей характер обусловлен спецификой развития его экономики, политики, культуры, тесно связан с глобализацией, информационными процессами (Телегина, 2014). Как отмечает G. Kovács, визуальные представления, конструирующие ментальные образы политических сообществ, в архаические времена были персонифицированными и ассоциировались с конкретными правителями, тогда как образ самого государства как политической единицы оставался скорее неразличимым. Представления о нациях в эпоху глобализации приобретают гибридный характер, в национальном сознании смешиваются архаические, современные и постмодернистские элементы (Kovács, 2014).

Проблемное поле исследований образа страны носит междисциплинарный характер и характеризуется пестротой направлений, подходов, вариантов эмпирической реализации. Так, работы Г. Д. Гачева посвящены исследованию философско-культурологических аспектов понятия «национальный образ» (Гачев, 1995; 1999). Этнологический анализ национальных образов, их сущностей и типов представлен в трудах Я. В. Чеснова (Чеснов, 1991). Образ государства как часть поли-

тической реальности в контексте националистического дискурса проанализирован Д. Н. Замятиным, Е. В. Дмитровой, Л. С. Мамутом, Э. Я. Баталовым, И. С. Семененко (Замятин, 1998; 2000; Дмитрова, 2002; Мамут, 1998; Баталов; Семененко, 2008). С. Г. Тер-Минасова для анализа национального образа использует лингвокультурологический подход (Тер-Минасова, 2010).

Значительное влияние на развитие исследования образов стран и государств оказали работы Э. А. Галумова. Не проводя существенных различий между «образом» и «имиджем» и полагая, что последний выступает в качестве базы, которая определяет, какую репутацию приобретает страна в сознании мировой общественности в результате акций ее субъектов, исследователь определяет имидж страны как «комплекс объективных, взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы, сформировавшихся в процессе эволюционного развития государственности, как сложной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических и иных процессов в стране» (Галумов, 2005). Его несомненной заслугой является выделение и описание факторов формирования образа страны. Автор выделяет три группы факторов: условно-статичные, акцентирующие важность природных условий и геополитики, исторического и государственного развития, корректируемые условно-динамические социологические факторы, характеризующие социально-психологические, ассоциативные и морально-нравственные кондиции, и корректируемые условно-динамические институциональные факторы, описывающие функционирование экономических, правовых и государственных институтов, эффективность власти.

Авторская концепция образов, в том числе образов страны, представлена в работах Д. Н. Замятина (2000, 2004, 2008 и др.) в рамках развиваемого им направления метагеографии. Образ страны определяется им как «устойчивый и диверсифицированный географический образ», постоянно стремящийся к усложнению своей структуры и усилению связей между внутренними компонентами. Структура образа страны представляет собой многоуровневую систему, включающую основной — «стержневой» образ, на который нанизываются дополнительные образы, обеспечивающие его репрезентацию. Эффективное географическое моделирование образа страны связано с разработкой альтернативных вариантов, сравнение которых и конечная оценка их рациональности должны проводиться с точки зрения конкретной цели исследования — фундаментально-научной, прикладной научной, практической (Замятин, 2000).

Зарубежные исследования национальных образов часто выполнены в маркетингово-экономическом ключе, в них ставятся вопросы об эффективности презентации наций в пространстве международных отношений, поиске оптимальных технологий брендинга территорий, проводится анализ страновых политик по формированию положительного имиджа страны (Fan, 2008; Anholt, 2011; НАО, 2019). В российском научно-публикационном пространстве данное направление также представлено достаточно широко, что обусловлено необходимостью развития туристической сферы, повышения привлекательности российских террито-

рий, уменьшения оттока из регионов (см., например, Гаджиев, 2017; Гуцалов, 2018; Матвеевская, 2017; Попова, 2017).

Образ России как динамическая категория

Образ России, его основополагающие, инвариантные элементы и актуальные трансформации становятся одними из ключевых тем современных философских, политологических, культурологических, социологических размышлений. Восприятие России и россиян западными странами исследуют Л. В. Белгородская, О. В. Рябов, Ш. Курильски, М. Ю. Арутюнян, О. М. Здравомыслова, В. Пророк и М. Цупалова, А. А. Нистратов (Белгородская, 2009; Носов, 2006; Рябов, 2000; Курильски, Арутюнян, Здравомыслова, 1996; Пророк, Цупалова, 2013; Нистратов, 2015). Роль мифов о России в конструировании барьеров для межкультурного взаимопонимания России и Запада исследуется В. Ф. Шаповаловым (Шаповалов, 2000). В исследованиях И. Ю. Киселева и А. Г. Смирновой, опирающихся на когнитивные и статусно-ролевые теории, описывается оригинальная концепция «Я-государства», согласно которой образ государства соответствует единству нескольких компонентов: идентификация с политическим лидером, наличие общих ценностей, осознание статуса своей страны, а также понимание роли, которую играет страна на международной арене. Институционализация образа государства происходит в утверждении различных доктрин, концепций внешней политики и т.д., а образ становится фильтром, позволяющим корректировать противоречивую информацию (Киселев, Смирнова, 2006; Киселев, 2009).

Отдельную нишу представляют исследования социальных трансформаций, в том числе касающихся образов России. Современные исследования будущего фундированы теориями информационного общества, обосновываются необходимостью проведения трансдисциплинарных исследований, развиваются в русле альтернативных исследований, имеющих целью показать множественность сценариев будущего развития и конструктивизма, сфокусированных на целенаправленных усилиях по созданию будущего, поиске и утверждению позитивных образов будущего (Динабург, 2016).

Исследуя различные теоретические модели и результаты исследований образов будущего России, О. Л. Сотков приходит к выводу о том, что образ будущего России — это прежде всего образ идеального государства, определяющего значение, роль и место страны в мире, перспективы развития его граждан. Независимо от исследовательских традиций достижение идеального будущего России практически всегда предполагает отрицание устоявшегося общества необходимостью социальных изменений, социально-культурных трансформаций, расширения свобод, прав и возможностей. Современные образы будущего России, существующие в информационном пространстве и общественном сознании, основываются на идеях новой духовности и активных социальных преобразованиях (Сотков, 2017). Согласно результатам исследований Н. Н. Измоденовой, в описании образов России преобладают дискурсы политического и географического детерминизма, в центре образа находится государство, имеющее признаки демиурга, и территория, которые господствуют и определяют характер повседневной жизни граждан. Автор от-

мечает, что большая часть суждений о современной России являются негативными, социальная структура российского общества описывается как иерархическая, имеющая формат стратификационной модели, возможности граждан описываются дискурсом потребления. При этом актуальная действительность, часто описываемая в негативных тонах, сопровождается надеждами на будущее, но эти надежды не связываются с собственной деятельностью, жители России не видят себя, по мнению автора, «агентами исправления мира» (Измоленова, 2018).

Рассматривая образ России под углом политических коммуникаций, Т. Пищева, П. Виноградова и А. Недова предлагают теоретическую модель, включающую субъективный, пространственный, темпоральный, политико-культурный и политико-психологический уровни или ракурсы рассмотрения. Они справедливо отмечают, что внутренний образ России в массовом сознании носит сложный и разнонаправленный характер. Различия в представлениях о России в сознании политической элиты и масс существенно отличаются, в массовом сознании происходит размежевание образа страны и образа государства, первый имеет ярко выраженную позитивную окраску, чему способствуют позитивная оценка истории, культурных и научных достижений, второй же вбирает в себя все негативные черты, ассоциируемые с текущей ситуацией в социальной, экономической и политической сферах и взаимоотношениями власти и граждан. Амбивалентные, а чаще противоречивые представления связаны с российским народом и особенностями его менталитета (Пищева, Виноградова, Недова, 2010).

Восприятию России ее гражданами посвящены многолетние исследования сотрудников кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, методологический подход которых предполагает анализ не только рациональных, но и неосознаваемых компонентов образа России. Авторы исследуют структуры выявленных образов, используя психологические параметры «политической оптики», вычленивают факторы, под влиянием которых эти образы складываются. Ученые делают вывод о незавершенном характере процесса формирования образа России и соответственно российской национально-государственной идентичности, ценностной консолидации, неустойчивости «крымского консенсуса», частичном преодолении комплекса «национальной неполноценности», особенно среди молодых россиян, противоречивости содержательных и эмоциональных составляющих образа России, противопоставленности образа народа и образа власти. Принципиальными с точки зрения идей, продвигаемых нашим проектом, являются выводы авторов относительно ценностного раскола российского общества, существующего в сознании россиян ощущения «переломности момента», сочетающегося с восприятием нынешнего положения как застоя, недовольством темпами развития и негативизмом в отношении власти. Перекликаются с другими исследованиями данные о позитивном восприятии будущего, национальном оптимизме (Шестопад, Смулькина, Морозикова, 2019).

Исследования, проведенные российскими учеными, убедительно показывают, что образ будущего в сознании россиян имеет под собой глубинные основания, является ценностно детерминированным и расслоенным по поколениям. Чаще всего

изучаются представления молодежи, ведь именно от их содержания будут зависеть траектории развития и очертания будущего. В работах последнего времени показывается, что молодежи свойственна категоричность и противоречивость в собственных взглядах, беспомощность перед тем, что происходит в России, делается вывод о низкой степени моральной готовности студентов брать на себя ответственность за судьбу страны (Кузьмен, 2013). Между тем очевидно, что, несмотря на динамично меняющиеся условия, преемственность поколений все же происходит. Недостаток эмпирических данных, которые могли бы позволить сравнить образы России у различных поколений, выявить общие и особенные характеристики данных образов и их ценностную сущность, стал основанием для проведения социологического исследования в четырех регионах России.

Методические основания психосемантического исследования образа будущего России

Образ страны не является изначально заданным, фиксированным, он отражает результаты эволюции общества, испытывает влияние множества факторов макро- и микропорядка. Как и другие социальные образы он является продуктом социального и культурного конструирования, наполняется значениями и смыслами в процессе социального взаимодействия индивидов.

Согласно конструктивистскому подходу, реальность социального мира является не только познаваемой и интерпретируемой, но и сотворяемой и воспроизводимой, характер и способы интерпретации действительности зависят от содержания представлений о мире, их интенциональности (Белинская, Тихомандрицкая, 2009).

Теоретические основы социального конструирования хорошо известны и представлены в научной литературе. Особая роль в понимании важности субъективного взгляда на мир, опыта познающего сознания принадлежит авторитетам феноменологической социологии — Э. Гуссерлю и А. Шюцу, а также П. Бергеру и Т. Лукману, разработавшим социологическую теорию познания, в ее рамках анализируются способы, посредством которых отдельные индивиды и группы людей создают и воспроизводят социальную реальность (Шюц, Корбут, 2003; Бергер, Лукман, 1995). Серьезный вклад в теорию конструирования социальной реальности был привнесен П. Бурдьё, акцентировавшим внимание на роли восприятия и социальных представлений, возникающих у субъектов в зависимости от их позиции в реальном социальном пространстве, объектом которых выступает социальная реальность (Bourdieu, 1987).

Понятие «конструктивизм» сегодня употребляется в науке в двух значениях: в широком смысле — как обозначение парадигмы социальных исследований со своей онтологией, эпистемологией, методологией и этикой, и узком — как название конкретного научного направления, являющегося составной частью этой парадигмы. В рамках конструктивистской парадигмы, точнее ее гуманистического направления, развивается и современная психосемантика, представляющая психологическое ответвление общей методологии конструктивизма (Петренко, 2012). Изучая генезис, структуру и функционирование индивидуального и общественного сознания на основе реконструкции значений посредством анализа языка, символов,

изображений и других объектов социального и культурного мира, психосемантика позволяет исследовать формы существования и организации значений в человеческом сознании в виде картины мира, осознаваемых и неосознаваемых пластов ментальности (Петренко, 2005).

Психосемантический подход показал эффективность в исследовании коллективных представлений, глубинных установок и стереотипов, в том числе не имеющих четкой структуры или неотрефлексированных, а также подвергающихся воздействию искажающих факторов. Имеется позитивный опыт применения данной методологии в рамках изучения восприятия стран и имиджа государства (Петренко, Митина, 2009; 2017).

В рамках научного проекта по изучению основ солидарности между поколениями и ценностных разрывов в восприятии образа России и гражданской идентичности был разработан опросник, позволяющий исследовать образ будущего в динамике, как результат постепенной смены образов прошлого и настоящего, сравнить их общие (стабильные) и изменяющиеся характеристики. Респондентам предлагалось оценить четыре образа России: имперской (до 1917 г.), советской, России в настоящем времени и России в будущем. Поскольку временной горизонт будущего чрезвычайно подвижен и индивидуально вариателен (для кого-то будущее — это то, что произойдет через пять лет, а кто-то представляет себе совсем далекое будущее), мы ограничили участников рамками 30–40-летней перспективы. В качестве референтной категории был взят «идеальный образ России», что позволило сопоставить образы не только по временной оси, но и по оси отношения и предпочтений.

Инструмент оценивания состоял из 21 показателя, отобранных на основе анализа научной литературы и предшествующих исследований образа России, в том числе исследований авторов по смежной проблематике (Максимова, Ноянзина, Омельченко, Гончарова, 2017; Максимова, Омельченко, Ноянзина, Суртаева, 2019). Оценочные характеристики (дескрипторы) представляли собой униполярные шкалы, технически реализованные в онлайн-формате в виде слайдеров-бегунков, которые респонденты могли свободно перемещать в пределах указанного диапазона, что позволило получить данные, представленные в непрерывном виде (от 0 до 100 баллов). Респондентам предлагалось оценить значимость для оцениваемых образов следующих характеристик:

Сфера международных отношений и внешней политики: разносторонние торговые и дипломатические отношения с другими странами, привлечение иностранного капитала в Россию; завоевание и освоение новых территорий; положение России на международной арене, влияние на мировую экономику и политику; следование общемировым культурным, технологическим, просветительским тенденциям, веяниям времени; наличие собственного цивилизационного пути, отличного от Западного или Восточного; воинская доблесть и слава, военные победы, сильная армия.

Политическая сфера: наличие национальной идеи, сплоченность нации; незыблемость и гарантированность прав и свобод человека, международных и конституционных норм; сформированность правового пространства, эффективность

законов, верховенство закона; политические, социальные и культурные свободы; наличие сильной власти, государственного контроля за жизнью граждан; солидарность и сплоченность граждан, взаимосвязь между поколениями и различными социальными слоями российского общества.

Сфера экономики: устойчивое развитие экономики, рост доходов населения; социальная защищенность и благополучие граждан, предоставление и исполнение государственных гарантий (оплаты труда, пенсионного обеспечения, медицинского обслуживания и т. д.)

Духовно-культурная сфера: вклад россиян в мировые достижения в области науки и техники, культуры и искусства, географические открытия; сильные культурные традиции, развитие этнических культур народов России; особый менталитет и морально-нравственные качества русского народа, национальный характер.

Природно-географическая сфера: ресурсный и сырьевой потенциал (вода, лес, источники энергии, биоресурсы и т.д.), обширная территория, разнообразие ландшафтов, климатических зон; выход к морям и океанам, статус морской державы, протяженные и защищенные государственные границы (морские и сухопутные).

Исследование проводилось по многоступенчатой стратифицированной выборке с контролем основных параметров выборки на основе квотирования (квотируемые признаки: пол, возраст, тип местности проживания) в режиме онлайн. Психосемантические эксперименты проведены в четырех регионах — Алтайском крае ($n = 123$), Воронежской ($n = 60$) и Калининградской ($n = 55$) областях, а также в Хабаровском крае ($n = 61$). Несмотря на мероприятия по ремонту выборки и отбору качественных анкет с максимальной заполняемостью, в конечном наборе данных сохранилось смещение по полу: в общей выборке доля женщин составила 68%. Возраст опрошенных — от 16 до 80 лет, средний возраст — $42,2 \pm 13,8$ (SD).

Обработка данных проводилась по объединенным данным, как по исходным, так и после их агрегирования (по матрицам средних значений). Были проанализированы структуры и содержание образов, выделены наиболее важные характеристики, в том числе для дифференциации образа России во времени. Проведен сравнительный анализ структур образов у различных поколений, построены семантические пространства, визуализирующие семантические взаимосвязи между образами в пространстве координат, заданном основными осями категоризации, имеющими общие и уникальные компоненты.

Образы России в зеркале результатов психосемантических исследований в регионах России

Образ России представляет собой многоуровневую семантико-когнитивную систему, организованную по принципу матрешки, в которой на глубинные исторические слои накладываются актуальные представления и эмоциональные переживания граждан. Под семантико-когнитивным направлением анализа мы понимаем, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, отдельное направление исследований, ищущее связь между семантикой языка и концептосферой — совокупностью ментальных структур, идеальных сущностей, позволяющих осмыслить и организовать в сознании воспринимаемую реальность, между семантическими и когнитивными

процессами, предоставляющее средства доступа к содержанию концептов и их моделированию (Попова, Стернин, 2007).

В попытке деконструировать содержание образов России на разных этапах ее исторического развития мы следовали двум «перпендикулярным» направлениям анализа: вычленили характеристики, имеющие максимальную выраженность при сопоставлении разных образов (горизонтальный срез), и отбирали наиболее значимые характеристики для каждого образа по отдельности (вертикальный срез). Оба направления привели к различным, но весьма показательным результатам.

Горизонтальный анализ и сравнение средних значений по каждой шкале показали, что максимальные значения в большинстве случаев ожидаемо соответствовали образу идеальной России. В то же время две характеристики «выпадали» из этой совокупности, отражая актуальное состояние мироустройства и отношение к государству и ключевым ориентирам его внутренней политики: это «завоевание и освоение новых территорий» (среднее значение 50,8 балла) и «наличие сильной власти, государственного контроля за жизнью граждан» (69,5 балла). Первая характеристика имела больший вес в образе «Имперской России (до 1917 года)» (59,7 балла) — обобщающего образа для досоветского периода. Несмотря на то что она описывала процесс становления российской государственности и события, благодаря которым Россия приобрела статус самой большой по территории страны в мире, судя по невысоким значениям, не была релевантной ни для одного из последующих по хронологии образов. Вторая характеристика была одной из ведущих в образе советской России (80,0 балла), тогда как в других образах ее роль была скорее посредственной. Сила власти не была высоко оценена ни по отношению к имперскому, ни по отношению к современному периоду (средние значения — 57–58 баллов), однако в образах будущей и идеальной России ее значимость увеличилась (среднее значение для образа будущего составило 68,8 балла, для идеальной России — 69,5, значимость различий средних оценивалась на основе однофакторного дисперсионного анализа с последующими апостериорными тестами, $p < 0,05$).

По близости средних значений по многим шкалам идеальный образ соотносился с образом «советской» России. Речь шла о характеристиках, описывающих особенности географического положения и размеры территории, сырьевую ориентацию экономики, воинскую славу и боевые победы прошлого, национальную идею и уровень сплоченности нации, наличие собственного цивилизационного пути, уровень социальной защищенности и благополучия граждан, силу власти и государственного контроля, мировые достижения и культурные традиции, менталитет и нравственные качества народа (см. визуализацию в виде цветовых шкал в таблице). По сравнению с идеалом, другие образы, кроме «советского», оценивались со значительной долей пессимизма, особенно в оценке настоящего периода (визуально в таблице это представлено областями, закрашенными красным цветом).

Важно отметить, что будущее также виделось жителям России далеко не идеальным. Более того, по многим параметрам, таким, например, как обширность территории, выход к морям и океанам, протяженность и защищенность границ, освоение новых территорий, сплоченность граждан, вклад россиян в мировые до-

стижения, ожидания граждан относительно будущего были если не наихудшими, то достаточно мрачными (все значения показателей значимо отличались от «идеального образа»).

Корреляционный анализ показал, что актуальный образ России в большей степени ассоциировался с образом имперской России ($r = 0,74$) и чуть в меньшей степени — с советской Россией ($r = 0,63$), но по сути все три образа представляли собой единый комплекс с общим смыслом, который условно можно передать словами «это все — Россия». Это не означало, что жители российских регионов не видели разницы и воспринимали эти образы как монолитные. Напротив, судя по анализу различий средних значений, эти три образа редко попадали в одну статистически неразличимую группу. Исключение составляли показатели блока природно-географической сферы (климат, природа, ландшафт), которые воспринимались во многом идентично.

По сравнению с прошлым, в образе настоящего были актуализированы различные аспекты международного сотрудничества — развитие торговых и дипломатических отношений с другими странами, привлечение иностранного капитала (среднее значение 66,1 балла, в образах прошлого 56,1–61,4 балла), следование общемировым культурным, технологическим, просветительским тенденциям, веяниям времени (60,4 балла, в образах прошлого — 54–58). Одновременно с этим образ «России в настоящем» существенно потерял в значимости, особенно по сравнению с образом «советского прошлого», национальной идеи и сплоченности граждан (–40,2 балла), социальной солидарности и взаимосвязи между поколениями (–38,2), социальной защищенности и благополучия, защиты государства (–37,2 балла), роста доходов и развития экономики (–26,1 балла), вклада россиян в мировые достижения в области науки и техники, культуры и искусства, географических открытий (–24,9 балла), наличия собственного цивилизационного пути, отличного от западного или восточного (–24,3 балла), воинской доблести и славы, военных побед (–22,3 балла).

Кроме того, как показал сравнительный анализ, менее значимыми по сравнению с прошлыми периодами стали такие традиционные компоненты образа страны, как сильные культурные традиции, развитие этнических культур (–20,7 балла), менталитет и морально-нравственные качества русского народа, национальный характер (–21,3). Что касается дескриптора «наличие сильной власти и государственного контроля за жизнью граждан», то, с одной стороны, потеря значимости данного компонента по сравнению с советским периодом (–21,6 балла) могла показаться своеобразным «достижением демократии», указывающим на ослабление давления и снижения эффективности манипуляций массовым сознанием. Однако с учетом того, что в образе идеальной России эта характеристика имеет если не столь же сильный, то сопоставимый вес, можно сделать вывод, что желание «сильной руки» и «ответственного руководства» является непреходящей установкой в отношении к государству, которая в настоящее время удовлетворяется не в полной мере (рисунок 1).

С чем связан образ будущего России и каков идеал, к которому стремятся россияне?

Согласно полученным результатам, будущее России видится ее жителям не совсем как идеал, а как несколько измененное настоящее (корреляция между образами настоящего и будущего составила $r = 0,79$, $p < 0,01$, между образами настоящего и идеальным образом — $r = 0,56$, $p < 0,01$). Его содержание во многом определяется статичными характеристиками, представляющими Россию как страну с огромной территорией и уникальными природно-климатическими характеристиками (73–75 балла).

На втором месте по выраженности располагаются компоненты, описывающие место России в мире, включенность России в глобальные экономические и торговые отношения. Граждане верят, что их значимость будет возрастать, что Россия не будет дистанцироваться, выбирая какой-то «свой путь», а вольется в мировой мейнстрим, будет перенимать и продвигать важные культурные, технологические и просветительские достижения. Ожидается улучшение позиций России на международной арене, ее влияние на мировую экономику и политику, в том числе, судя по выраженности данного дескриптора, за счет сохранения и преумножения военной мощи, сильной армии (65–67 баллов).

Были еще две характеристики, выраженность которых находилась выше среднего уровня по показателям данного образа (63,0 балла). Это, во-первых, ресурсный и сырьевой потенциал, который, по мнению опрошенных, будет по-прежнему иметь большое значение не только для экономики России, но для ее имиджа как мирового лидера (средние значения 64,1 балла), а во-вторых, менталитет и морально-нравственные качества русского народа, его национальный характер (средние значения 64,2 балла), игравшие важнейшую роль в прошлом (средние значения в образах имперской и советской России — 71–75 балла), но в настоящем времени потерявшие свою силу (53,8 балла).

	Имперская Россия	Советская Россия	Россия в настоящем	Россия в будущем	Идеальная Россия
Имперская Россия	1,000	0,633	0,739	0,456	-0,170
Советская Россия	0,633	1,000	0,473	0,535	0,250
Россия в настоящем	0,739	0,473	1,000	0,787	0,062
Россия в будущем	0,456	0,535	0,787	1,000	0,556
Идеальная Россия	-0,170	0,250	0,062	0,556	1,000

Рисунок 1 — Корреляционные взаимосвязи между различными образами России.

Таблица 1.

Характеристики образов России, средние значения и коэффициент Эга.

Характеристики образа	Имперская Россия	Советская Россия	Россия в настоящем	Россия в будущем	Идеальная Россия	Эга	Эга-квадрат
Ресурсный и сырьевой потенциал (вода, лес, источники энергии, биоресурсы и т. д.).	75,6	83,8	76,0	64,0	85,9	0,29	0,086
Обширная территория, разнообразие ландшафтов, климатических зон	84,1	87,1	82,3	75,8	87,8	0,19	0,037
Выход к морям и океанам, статус морской державы	75,4	79,9	73,0	73,1	86,2	0,19	0,037
Протяженные и защищенные государственные границы (морские и сухопутные)	68,3	83,5	77,2	74,2	87,9	0,28	0,08
Разносторонние торговые и дипломатические отношения с другими странами, привлечение иностранного капитала в Россию	61,4	56,1	66,1	67,6	86,1	0,37	0,133
Завоевание и освоение новых территорий	59,7	50,1	36,7	40,8	50,8	0,26	0,068
Воинская доблесть и слава, военные победы, сильная армия	70,2	82,7	60,4	66,1	81,5	0,30	0,087
Наличие национальной идеи, сплоченность нации	60,8	80,3	40,1	59,0	88,3	0,53	0,277
Незыблемость и гарантированность прав и свобод человека, международных и конституционных норм	39,9	58,6	44,9	62,2	92,1	0,57	0,321
Сформированность правового пространства, эффективность законов, верховенство закона	45,1	61,0	44,3	63,3	92,4	0,56	0,309
Положение России на международной арене, влияние на мировую экономику и политику	60,0	71,8	52,4	65,1	85,9	0,39	0,155
Следование общемировым культурным, технологическим, просветительским тенденциям, веяниям времени	54,1	58,8	60,4	65,8	79,6	0,32	0,1
Наличие собственного цивилизационного пути, отличного от западного или восточного	59,8	75,5	51,2	61,8	81,9	0,36	0,129

Характеристики образа	Имперская Россия	Советская Россия	Россия в настоящем	Россия в будущем	Идеальная Россия	Эта	Эта-квадрат
Устойчивое развитие экономики, рост доходов населения	46,5	62,0	35,9	59,6	93,5	0,58	0,336
Социальная защищенность и благополучие граждан, предоставление и исполнение государственных гарантий	39,0	77,6	40,4	61,0	93,2	0,63	0,395
Солидарность и сплоченность граждан, взаимосвязь между поколениями и различными социальными слоями	51,9	76,1	37,9	58,4	89,2	0,56	0,315
Наличие сильной власти, государственного контроля за жизнью граждан	57,5	80,0	58,4	63,8	69,5	0,29	0,086
Политические, социальные и культурные свободы	40,4	48,7	49,8	60,0	85,6	0,50	0,25
Вклад россиян в мировые достижения в области науки и техники, культуры и искусства, географические открытия	67,7	77,3	52,4	63,9	89,1	0,44	0,191
Сильные культурные традиции, развитие этнических культур народов России	61,4	71,4	50,7	60,0	83,3	0,37	0,139
Особый менталитет и морально-нравственные качества русского народа, национальный характер	71,1	75,1	53,8	64,2	83,7	0,34	0,115

Стоит обратить внимание и на те характеристики, которые, по мнению граждан, в будущем не получают большого развития. В образе будущего не имели большой выраженности характеристики, связанные с расширением территории страны (средние значения 40,8 балла, 47,6% респондентов поставили низкие оценки), оценки роста солидарности и сплоченности граждан также были сдержанно оптимистичными (средние значения 58,4 балла, 40,6% высоких оценок — 70 баллов и выше и 26,5% ниже 30 баллов). Сходные оценки были получены и в отношении национальной идеи.

В целом в коллективном сознании «Россия в настоящем» имела мало качеств идеальной страны (корреляция $r = 0,062$). Представления об идеале имели прогрессивный характер. Идеальная Россия — это точно не имперская Россия прошлого и отчасти даже противопоставлена ей ($r = -0,170$), хотя связь с советским временем довольно существенна ($r = 0,250$) (рисунок 1).

Ядро идеала составили ожидания относительно устойчивого развития экономики и роста доходов населения (93,5 балла), социальной защищенности и бла-

гополучия (93,2 балла), верховенства и эффективности законов (92,4 балла), реализации гарантии прав и свобод человека, международных и конституционных норм (92,1 балла). Именно по этим характеристикам коэффициент Eta (Эта), показывающий силу различий между группами (в нашем случае — образами), и разница абсолютных значений были максимальными (разница в средних значениях составила 40–50 баллов, коэффициент Эта — 0,5–0,6). Большая часть идеализированных представлений граждан были связаны с сохранением Россией статуса крупнейшей страны мира, способной защищать свои границы и утверждающей свою волю и влияние на международной арене, сильной России со сплоченной нацией, предоставляющей своим гражданам политические, социальные и культурные свободы, привлекательной для международных инвестиций, развивающей науку, технику и культуру, сохраняющей ресурсный и природный потенциал. По данным характеристикам средние значения находились в диапазоне 85–89 баллов. Таким образом, основным механизмом формирования идеального образа являлась компенсация, его структуру формировали характеристики, нехватка которых в настоящем ощущалась наиболее остро. В идеале отразились социальная неудовлетворенность граждан настоящим и апатия относительно неопределенного будущего.

Поколенческие разрывы в восприятии будущего России

Представив краткую характеристику всех образов, сконцентрируемся на анализе основного предмета нашего исследования — особенностях восприятия образа будущего России у различных поколений. С этой целью мы разделили выборочную совокупность по возрасту на три условных поколения: до 30 лет, 31–49 лет и 50 лет и старше.

Первая группа (20,0% от общей выборочной совокупности) — поколение, родившееся непосредственно перед и после распада Советского Союза. У части этой группы детство пришлось на 1990-е гг., которые сегодня принято называть «лихими» или даже «дикими», другие — выросли в эпоху 2000-х, это типичные представители поколения «зумеров» с присущими им ценностными ориентациями и умонастроениями. Вторая группа — родившиеся с 1970 по 1990 гг. (51,2%) — это отчасти позднее советское, отчасти «перестроечное» переходное поколение, сохранившее собственные воспоминания о советской реальности и находящееся в эпицентре социальных, политических, экономических, культурных и технологических трансформаций, произошедших на стыке тысячелетий. Поколение «50+» (28,8%) — поколение с богатым жизненным опытом, встретившее новый период российской истории в зрелом возрасте. Старшая часть этой группы находилась на момент социального излома в начале самостоятельного жизненного пути и столкнулась с проблемами адаптации к новым жизненным реалиям, вынужденной профессиональной переориентации и выживания в кризисных условиях. Между тем это поколение, мировоззрение которого испытывало влияние со стороны разных идеологических режимов и формировалось в кардинально отличающихся друг от друга условиях — «прежнего» и «нового» уклада российской жизни.

Анализ поколенческих особенностей восприятия образов России проводился по всем временным осям, но в рамках данной статьи акцент сделан на образе бу-

дущего. Прежде чем перейти к традиционной для психосемантики «свертке» многомерного пространства единичных дескрипторов к более «плотному» и обобщающему пространству координат конструктов, структурирующих и организующих множественные образы в некоторую упорядоченную и семантически организованную иерархию (в исследовании были взяты только пять вариантов таких образов, но в реальности их может быть бесконечно много), мы попытались «нащупать» отличия между возрастными группами на уровне отдельных характеристик.

Основные линии, по которым наблюдались если не разногласия, то по меньшей мере несовпадение точек зрения, совпадали с наиболее острыми и чувствительными темами, вызывающими эмоциональные дискуссии в медиапространстве, контроль за которыми пытаются установить государственные институты и манипулировать которыми стремится любая политическая сила, неважно, где она локализована — внутри или вовне, желающая оказать влияние на развитие страны.

Было выделено четыре основных категории таких характеристик. Одна из сюжетных линий различий была связана с подвижностью и неизбежностью границ и размеров территории российского государства, другая — с отношением к воинской доблести и славе, мощи российской армии, третья — с положением России в мировом сообществе и четвертая — с актуальным состоянием российского общества, присутствием в нем антагонистических тенденций, социальной напряженности или, напротив, объединительных начал.

Первая линия является далеко не умозрачительной — компоненты образа России, связанные с территорией, ее целостностью и изменчивостью, актуализируются реальными событиями последних лет. Крымский референдум и военные действия на Украине, интеграционный проект России и Беларуси, сформировавшие актуальную повестку дня на весьма длительное время, сдвинутую лишь более глобальной и всепроникающей проблемой эпидемии, изменили в сознании застывшие после распада Советского Союза символические очертания границ, породили множество интерпретаций будущего — от достаточно близких к реальности до фантастических.

Согласно нашим результатам, ожидания возможного завоевания и освоения новых территорий в России будущего в большей степени оказались присущи молодежи до 20 лет (более 50,0% высоких оценок), тогда как скептически к территориальным притязаниям относились лица в возрасте 36–49 лет (11,8% высоких оценок и 56,6% — низких). Для старшего поколения (50 лет и старше) было важно сохранить за Россией статус морской державы, имеющей выход к морям и океанам (73,5% высоких оценок, среднее значение — 82,5 балла, в других группах — 53–56% высоких оценок, среднее значение 69–72 балла), иметь протяженные и защищенные государственные границы (74,0% высоких оценок, среднее значение 82,0 балла, в других группах 55–61% и 71,1–71,6 балла).

Мощно представленный в информационном поле «силовой» компонент с присущей ему идеализированной и сакральной ролью армии, бесстрашными воинами, современным и поражающим воображение непобедимым оружием нашел большее отражение в образе будущего России у граждан 40 лет и старше (по соответствующим дескрипторам у них 58,3% высоких оценок, тогда как у респондентов

моложе 40 лет — 42,1%). Между тем тут все не так просто, и если посмотреть распределение оценок по более разреженным возрастным категориям, то можно увидеть, что эта тема актуальна для лиц старшего возраста, особенно старше 50 лет (у этой группы высокие оценки составили 59,2%, среднее значение 73,5 балла) и для самой младшей группы — до 20 лет (90% из них — это студенты и учащиеся), более половины которых высоко оценили значимость этих элементов в будущем (в других группах — 41–48%). Будет естественным предположить, что полученные оценки — результат конструирования образа России при помощи различных инструментов и технологий: для младшего поколения активно задействуется система образования — обязательного и дополнительного, гражданского и патриотического воспитания, активно поддерживаемых и курируемых государством (в рамках реализации «майских» указов Президента, федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», Роспатриотцентра и других федеральных и региональных программ и проектов, в том числе активно реализуемых некоммерческими организациями при поддержке Фонда президентских грантов).

Тесно связанное с демонстрацией воинской силы положение России на международной арене, ее влияние на мировую политику и экономику (корреляция между данными показателями была достаточно высокой — $r = 0,7$) также акцентировалось в основном «зумерами» до 20 лет (доля высоких оценок — 65,0%), тогда как меньше всего значения данной характеристике образа придавали молодые люди от 21 до 35 лет (всего 35,4% высоких оценок), среди которых было значительное количество тех, кто придерживался социалистических и социал-демократических взглядов (около 30%, сопоставимые доли только в группе старше 50 лет), являлись предпринимателями и самозанятыми (около 11%, в других группах менее 8%).

По поводу общественной солидарности и сплоченности граждан, взаимопонимания между различными поколениями наибольший пессимизм проявляло поколение граждан 31–49 лет (31,9% низких оценок, в младшей группе — 12,2%, в старшей — 25,8%), тогда как в старшей группе было ощутимо больше высоких оценок (48,4%, в других группах — 38,8%). Таким образом, поколенческая детерминанта восприятия не только действительно была значимой, но и имела нелинейный характер воздействия: содержание образа России не просто эволюционировало в сторону большей прогрессивности или традиционности, как можно было подумать. Некоторые характеристики «выпадали» у одного поколения и «всплывали», становились более значимыми у других, не всегда хронологически соседствующих.

На следующем этапе исследования по каждой возрастной группе был проведен факторный (компонентный) анализ с последующим прокрустовым вращением для определения сходства матриц факторных нагрузок. Коэффициент конгруэнтности Такера, оценивающий близость координат (элементов матрицы) для младшего и среднего поколений, составил 0,9, для среднего и старшего — 0,96, для младшего и среднего — 0,88, что свидетельствовало о значительном сходстве содержания факторов, используемых для оценки образов, а значит, различия между поколениями не носили характер непреодолимых. Между тем заметно, что система конструкторов, задающих характер оценивания, у соседних поколений была ближе, чем у крайних поколений.

Во всех группах первый фактор являлся фактором общей оценки, по которому почти по всем дескрипторам оценки были максимальными. У поколений «зумеров» и «миллиеналов» ключевыми в первом факторе были характеристики, описывающие международные связи и поддержание Россией своего реноме в качестве мирового лидера, неукоснительное следование международным нормам права и гарантии реализации свобод, следование букве закона и экономическое развитие (нагрузки свыше 0,8), что делало этот фактор фактором лидерства, демократии и политической силы, это некое вненациональное измерение, по которому можно сравнивать разные страны, а не только Россию.

У поколения «50+» главный фактор наполнялся совсем другими смыслами — связанными с морально-нравственными качествами народа и особенностями менталитета, научными и культурными достижениями, наличием объединяющей национальной идеи, «своего» пути, силой культурных традиций, сплоченностью и солидарностью граждан, военной безопасностью, завоеванием и освоением территории. Иными словами, это был фактор традиционного образа России, воспетого в русской литературе и искусстве, образа «Матушки-России» с присущим ему национализмом и высокой эмоциональностью, противоречивостью и внутренней силой.

В отличие от униполярного первого фактора, второй фактор имел положительный и отрицательный полюса (отрицательный — выражен слабо) и имел свою специфику в каждой группе. У младшего поколения во втором факторе идеи сильного и тяготеющего к авторитарности государства (сильная власть и армия, контроль над гражданами) были сопряжены с особенностями национального менталитета и взаимоотношениями между гражданами (свой путь, солидарность) и противопоставлены открытости мировому сообществу (следование общемировым тенденциям и культурным веяниям, поддержание торговых и дипломатических отношений)

У среднего поколения второй фактор описывал дихотомию демонстрации внешних, жестких проявлений силы государства: завоевание и освоение территории, защита границ, выход к морям и статус морской державы, сопряженных с особым, соответствующим такой стране, менталитетом жителей, силой духа, и стратегиями «мягкой силы» — развитием торговых и дипломатических отношений, поощрением развития культур, науки, технологий, которые, между тем, сопровождалась увеличением силы государственной власти, ростом контроля за жизнями граждан.

У старшего поколения второй фактор в целом соответствовал по содержанию второму фактору средней группы, но имел противоположную направленность, его положительный полюс маркировался характеристиками, связанными с развитием торговых и дипломатических отношений, устойчивым развитием экономики, обеспечением прав и свобод граждан, неукоснительным соблюдением законов и международных норм, следованием за общемировыми культурными и технологическими тенденциями (прогрессивное развитие), а левый полюс задавался акцентами на армии, эксплуатации природных ресурсов, развитии территории (экстенсивное развитие, явные атрибуты силы; таблица 2).

Два первых фактора являлись ведущими, они описывали максимальную долю дисперсии, и семантические пространства были построены именно с опорой

на эти два измерения. В то же время отметим, что у молодежи физические атрибуты образа, связанные границами, территорией и ресурсами, не вошедшие во второй фактор, как у старших поколений, были отнесены к третьему фактору. В этом был практический смысл: если в сознании старших поколений динамика образов России неразрывно связана с сужением или расширением границ, включением новых территорий или их отсоединением, то современное поколение молодых людей воспринимало Россию, ее территорию и природно-географические условия более статично, как нечто неизменное.

У среднего и старшего поколения третий фактор имел принципиально иное содержание и был связан со стабильностью и безопасностью (защищенные границы, социальная защищенность граждан), «сильной рукой» государственной власти, особой траекторией России, ее непохожестью на другие страны (свой путь). Что касается четвертого фактора, то он задавался у старшего поколения только двумя основными характеристиками — богатым природным и ресурсным потенциалом и обширной территорией, составившими отдельное измерение, не сводимое в сознании старшего поколения ни к одному другому. Таким образом, сознанию старшего поколения была присуща большая когнитивная сложность, позволяющая более избирательно подходить к оценке образов России. Иными словами, если младшие поколения воспринимали Россию более целостно, то в сознании старших поколений, имевших возможность сформировать свое собственное мнение, образы были более комплексными, а их оценка — более дифференцированной (таблица 2).

По двум основным компонентам были визуализированы семантические пространства, в которых отобразились все исследуемые образы России, отдельно для каждого поколения.

Конфигурация образов и дескрипторов, их взаимная расположенность могут быть интерпретированы в терминах семантической близости. Для всех пространств по первому фактору характерно противопоставление образа идеальной России и России в настоящем времени, что указывает на значительную неудовлетворенность населением всех возрастов тем, что представляет собой Россия сегодня, каков ее внутренний образ, видимый жителями. Второй значимый момент — соотнесенность образов прошлого. У молодежи имперская и советская России более близки, они описываются сквозь призму типично имперских маркеров — сильной государственной власти, армии, территориальных завоеваний, попытки идти своим особым путем, что неизбежно подразумевает противопоставление с другими странами, сближение с которыми по причине этого выбора невозможно. Россия советского периода воспринимается в позитивном ключе как страна с сильной идентичностью, национальной идеей и высоким уровнем солидарности, способная доминировать в мировом политическом пространстве. У среднего и старшего поколений эти образы геометрически разведены по разным частям семантического пространства. При этом у старшего поколения образ «советской» России особенно близок к идеальному образу страны, на идеал переносятся многие характеристики советского прошлого.

Таблица 2.

Результаты факторного анализа в группах по возрасту (метод главных компонент с вращением varimax), компонентные нагрузки после вращения

Характеристика / группа	До 30 лет			31–49 лет			50 лет			
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	4
Ресурсный и сырьевой потенциал	0,06	0,41	0,72	0,23	0,63	0,58	0,32	0,07	0,14	0,94
Обширная территория...	0,42	0,38	0,82	0,04	0,84	0,31	0,23	-0,03	0,13	0,97
Выход к морям и океанам...	0,90	0,42	0,03	0,50	0,76	0,34	0,50	0,54	0,58	0,36
Протяженные и защищенные государственные границы	0,63	0,07	0,76	0,61	0,35	0,64	0,06	0,46	0,86	0,23
Разносторонние торговые и дипломатические отношения	0,97	0,01	0,13	0,93	0,12	-0,23	0,04	0,99	-0,07	0,03
Завоевание и освоение новых территорий	0,05	0,79	-0,55	-0,25	0,93	-0,25	0,80	-0,24	-0,31	0,45
Воинская доблесть и слава...	-0,03	0,98	0,21	0,36	0,72	0,59	0,81	0,14	0,51	0,26
Наличие национальной идеи...	0,27	0,93	0,25	0,48	0,72	0,48	0,84	0,36	0,38	0,12
Незыблемость и гарантированность прав и свобод...	0,95	0,30	0,12	0,91	0,22	0,36	0,43	0,78	0,45	0,04
Сформированность правового пространства...	0,86	0,47	0,21	0,89	0,29	0,34	0,52	0,79	0,33	0,04
Положение России на международной арене...	0,70	0,68	0,21	0,73	0,50	0,44	0,74	0,57	0,32	0,18
Следование общемировым тенденциям...	0,97	-0,01	0,25	0,99	0,06	0,14	0,19	0,95	0,26	-0,03
Наличие собственного пути...	0,48	0,85	0,20	0,56	0,62	0,54	0,74	0,36	0,52	0,23
Устойчивое развитие экономики...	0,80	0,52	0,27	0,83	0,47	0,26	0,69	0,64	0,33	0,08
Социальная защищенность и благополучие граждан...	0,68	0,49	0,47	0,68	0,35	0,64	0,60	0,52	0,60	0,13
Солидарность и сплоченность граждан...	0,50	0,80	0,29	0,58	0,62	0,49	0,71	0,50	0,47	0,15

Характеристика / группа	До 30 лет			31–49 лет			50 лет			
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	4
Наличие сильной власти, государственного контроля за жизнью граждан	0,08	0,95	0,28	-0,01	0,17	0,98	0,44	0,10	0,89	0,02
Политические, социальные и культурные свободы	0,97	0,13	0,18	0,98	0,07	0,17	0,25	0,92	0,29	0,00
Вклад россиян в мировые достижения...	0,57	0,73	0,38	0,55	0,74	0,36	0,89	0,34	0,18	0,23
Сильные культурные традиции...	0,72	0,66	0,17	0,65	0,68	0,32	0,75	0,35	0,44	0,36
Особый менталитет...	0,50	0,85	0,16	0,48	0,83	0,25	0,94	0,21	0,14	0,21

Образы России в настоящем и России в будущем также находятся вместе, во всех пространствах они расположены в левом нижнем квадранте — зоне отрицательных значений по обоим факторам, и поскольку у факторов был разный смысл в разных возрастных группах, то и интерпретация этих позиций отличалась. В любом случае прогнозы респондентов относительно будущего не совпадали с тем, как бы они хотели видеть Россию на самом деле. Ни у одного из поколений не было иллюзий относительно будущего — в их представлениях оно будет лишь продолжением настоящего, отражением актуальных тенденций, которые не обязательно будут отрицательными. Более того, учитывая, что идеальный образ и образ настоящего и будущего находились в одной плоскости по второму фактору, можно предположить, что пессимизм в отношении будущего — это своеобразная защитная реакция, «прививка» от возможного разочарования от нереализованных ожиданий (рисунки 2–4).

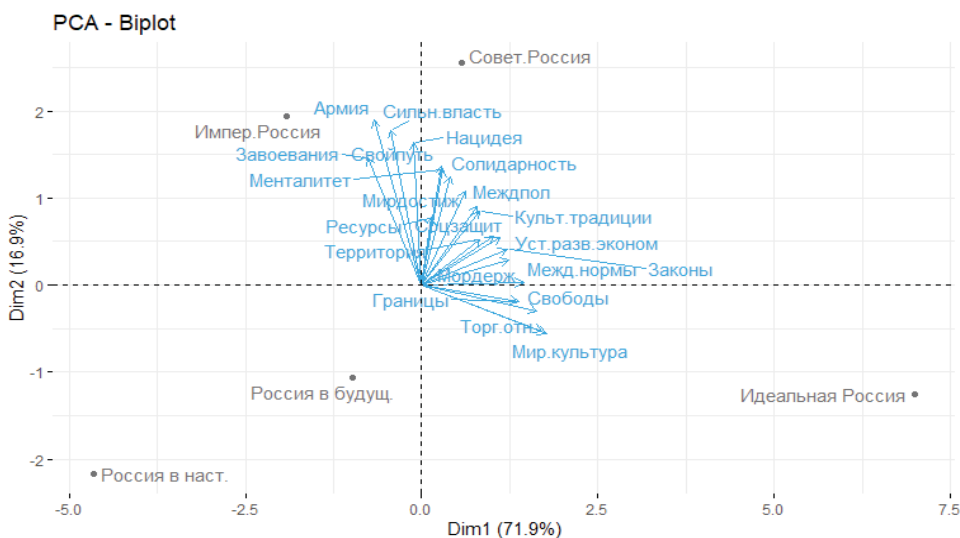

Рисунок 2 — Семантическое пространство образов России (поколение до 30 лет).

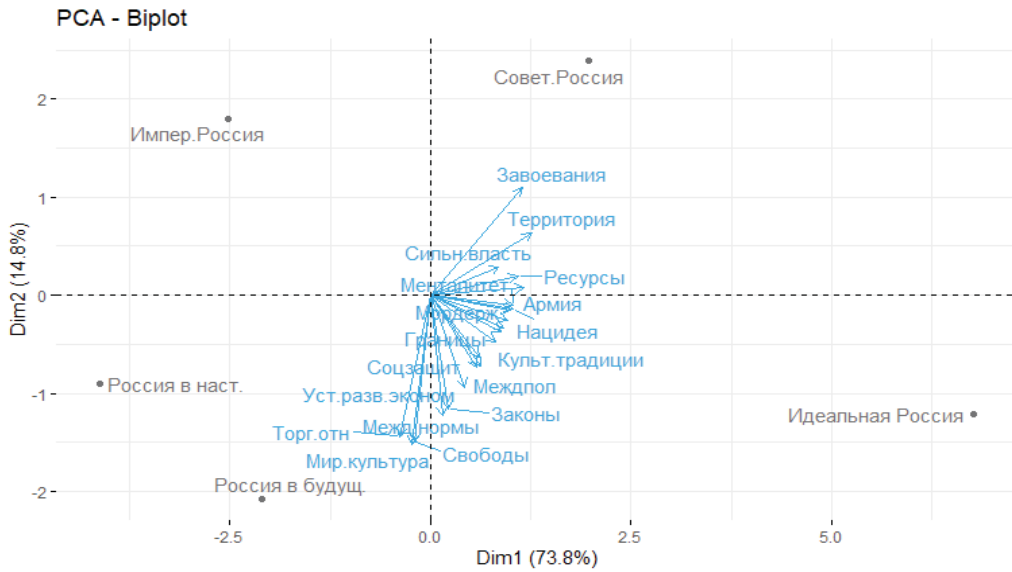

Рисунок 3 — Семантическое пространство образов России (поколение 31–49 лет).

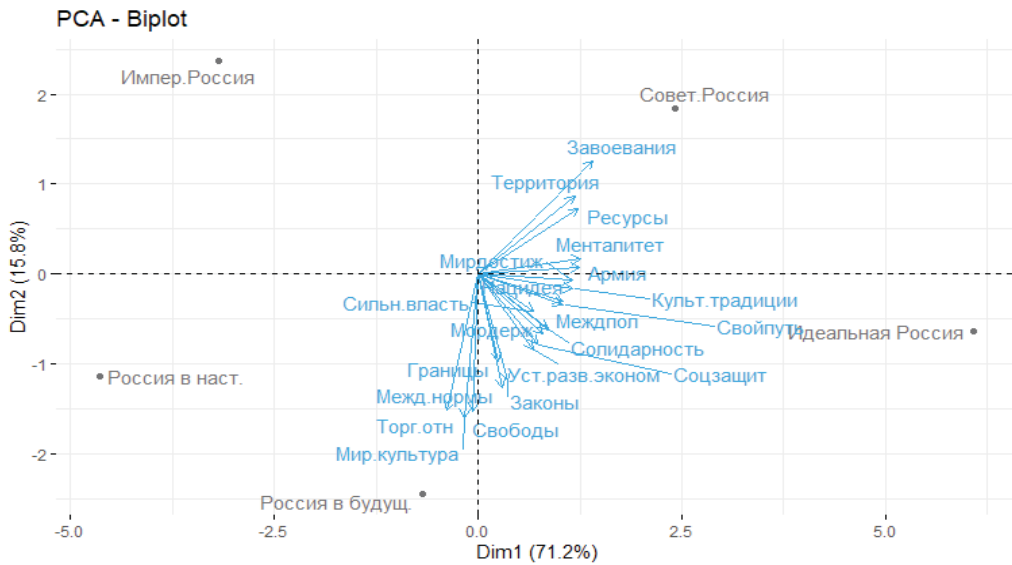

Рисунок 4 — Семантическое пространство образов России (поколение 50 лет и старше).

Обсуждение и заключение

Проведенный теоретический анализ показал, что отдельные направления, связанные с темой нашего исследования, достаточно хорошо проработаны и количество публикаций по ним постоянно нарастает. Между тем комплексные исследова-

ния гражданской идентичности россиян, которые позволили бы не только провести идентификационный анализ, но и описать сформированный в общественном сознании образ будущего страны как часть идентичности, выявить ценностные основания национального единства и разобщенности, в том числе среди различных поколений россиян, являются достаточно редкими. Анализ современного состояния исследований показал, что эмпирические результаты часто являются фрагментарными и противоречивыми, имеется настоятельная необходимость в актуализации научных данных о содержании образа России с учетом современных реалий. Проведенное в четырех регионах России психосемантическое исследование отчасти позволило удовлетворить эту потребность и предоставило данные об оценке динамических и статических показателей образа России с учетом возрастной дифференциации.

Основные выводы исследования касаются содержания образов, их взаимосвязи и ключевых осей, обуславливающих оценку образа России в единстве и взаимосвязи его исторического развития. В целом можно сделать вывод о бинарном характере оценок. Первая ось обобщает базовую оппозицию между положительной (идеалом) и отрицательной оценками актуального состояния и перспектив развития страны. Вторая ось дифференциации связана с противопоставлением сильной, «силовой» имперской политики с большими территориальными претензиями и опорой на вооруженные силы, народную волю, ресурсный потенциал — политики дипломатии и «мягкой силы», включенности в мировое сообщество, в том числе благодаря развитию науки, культуры и технологий, признанию важности прав и свобод человека, она имеет свои нюансы у каждого поколения и определяет содержание идеального образа.

Образ настоящего видится жителями регионов России исключительно в негативном свете, и эта неудовлетворенность тем, какую значимость имеют разные компоненты, к сожалению, проецируется на будущее. Между тем образ будущего — это еще и образ «надежды», с которой каждое поколение связывает свои ожидания и предпочтения. Поколенческий разрыв в восприятии образа будущего России — это разрыв в отношении базовых ориентиров и приоритетов развития, которые поколения определяют исходя из своего жизненного и культурного бэкграунда, ценностных ориентаций. Однако это не полный разрыв, а скорее пунктирная линия, соединяющая части образов в единый смысловой клубок. Для молодых поколений более важны динамичные характеристики образа, движение вперед, стремление к прогрессу, который рассматривается в контексте глобализации, тогда как для представителей старших поколений большую значимость для будущего приобретают черты стабильности, возврата к традиционным истокам, обращение к прошлому опыту как возможности не совершать ошибок и брать лучшее. Проведенный анализ имеет высокую степень генерализации, он представляет образы в обобщенном виде (для всех регионов и трех поколений). Между тем мозаичность российского общества, его поляризованность по важным структурным основаниям (имущественному, территориальному, интеллектуальному и т.д.) позволяет предположить, что поколенческие различия далеко не единственные, их поиску и влиянию на образ будущего будут посвящены наши дальнейшие изыскания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Баталов Э. Я. Какая Россия нужна Западу. Современная Европа, 2005, No. 4, 5–20.
- Белгородская Л. В. Образ Российской империи на страницах британских и американских справочно-энциклопедических изданий XX века: дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009.
- Белинская Е. П., Тихомандрицкая О. А. Социальная психология личности. М.: Академия, 2009.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Гаджиев Д. В. Использование маркетинговых и PR-технологий при формировании и коррекции имиджа государственной политики страны. Управление экономическими системами, 2017, 3 (97), 1–6.
- Галумов Э. А. Имидж против имиджа. М.: Известия, 2005.
- Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Евразия: Космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999.
- Гачев Г. Д. Национальные образы мира: космо-психо-логос. М.: Прогресс, 1995.
- Гуцалов А. А. Культурный бренд и брендинг территории. Культурное наследие России, 2018, No. 3, 86–92.
- Динабург С. Р. Современные исследования будущего: между утопией и форсайтом. Технологос, 2016, No. 3, 86–97.
- Дмитрова Е. В. Образ современной России на страницах газеты The Guardian: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002.
- Дубин Б. В. Социальный статус, культурный капитал, ценностный выбор: межпоколенческая репродукция и разрыв поколений. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1995, No. 1, 14–18.
- Замятин Д. Н. Образ страны: структура и динамика. Общественные науки и современность, 2000, No. 1, 107–114.
- Замятин Д. Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира. Представление географических знаний в моделях политического мышления. Политические исследования, 1998, No. 6, 80–91.
- Земсков В. Б. Образ России «на переломе» времен. Новые российские гуманитарные исследования, 2006, Т. 25. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=14777560> (дата обращения: 03.12.2021).
- Измоденова Н. Н. Образ будущего России: социальное воображаемое. Труды Кольского научного центра РАН, 2018, 7-14 (9), 96-101.
- Киселев И. Ю. и др. Россия в «Группе восьми»: имидж versus образ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.
- Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

- Кузьмен О. В. Настоящее и будущее России в ценностных ориентациях и представлениях студенческой молодежи. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2013, 6 (118), 139–147.
- Курильски Ш., Арутюнян М. Ю., Здравомыслова О. М. Образы права в России и Франции. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Любимов Ю. В. Знание как образ и событие. Философские науки, 2007, No. 4, 96–113.
- Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А., Гончарова Н. П. Восприятие гражданских образов в представлениях населения приграничных регионов России. Национальная безопасность/nota bene, 2017, 4 (51), 50–70.
- Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Суртаева О. В. Гражданские практики и базовые модели участия населения в общественной жизни в современном сибирском регионе. Society and Security Insights, 2019, 2(3), 13–50.
- Мамут Л. С. Образ государства как алгоритм политического поведения. Общественные науки и современность, 1998, No. 6, 85–97.
- Матвеевская А. С., Погодина В. Л. Использование объектов природного и культурного наследия России в качестве туристских брендов страны. В кн.: Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие, СПб., 2017. С. 350–354.
- Митина О. В., Петренко В. Ф. Психосемантический анализ имиджа государства: реконструкция и измерение. Психологический журнал, 2009, 30(3), 16–27.
- Муха В. Н. Образ страны и образ народа: россияне о Беларуси и белорусах. Теория и практика общественного развития, 2013, No. 9, 80–82.
- Нистратов А. А. Образ России в представлении иностранцев. Вопросы психологии, 2015, No. 23, 33–42.
- Петренко В. Ф. Психосемантика сознания как форма конструктивизма и использования математических методов в гуманитарных науках. Человеческий фактор: Социальный психолог, 2012, No. 2, 97–116.
- Петренко В. Ф., Митина О. В. Психосемантическая методика «образ страны» и ее использование для анализа восприятия стран мира. В кн.: Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 326–331.
- Петренко В. Ф. Психосемантические аспекты картины мира субъекта. Психология. Журнал высшей школы экономики, 2005, 2(2), 3–23.
- Петровский А. В., Ярошеский М. Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
- Пищева Т. Н., Виноградова Н. С., Недова А. Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций. Полис. Политические исследования, 2010, No. 4, 107–121.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007.
- Попова М. В. Социально-политический ориентир территориального бренда. Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиове-

дение, 2017, No. 22, 203–210.

Пророк В., Цупалова М. Образ России в представлениях чешской общественности и СМИ. *PolitBook*, 2013, No. 4, 47–60.

Рябов О. В. “Mother Russia”: гендерный аспект образа России в западной историософии. *Общественные науки и современность*, 2000, No. 4, 116–122.

Семененко И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности. *Полис. Политические исследования*, 2008, No. 5, 7–18.

Сотков О. Л. Образ будущего России в представлении молодежи Тюменской области. *Теория и практика общественного развития*, 2017, No. 6, 40–43.

Телегина К. И. Понятие и структура имиджа государства. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 2014, 12–2 (50), 191–194.

Тер-Минасова С. Г. Язык и национальная безопасность (современный аспект проблемы). *Ценности и смыслы*, 2010, No. 6 (9), 25–33.

Уланович О. И. Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2010, 1(9), 44–51.

Чеснов Я. В. Этнический образ. Этнознаковые функции культуры. М., 1991.

Шаповалов В. Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность. *Общественные науки и современность*, 2000, No. 1, 51–67.

Шестопад Е. Б., Смутькина Н. В., Морозикова И. В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов. *Сравнительная политика*, 2019, 10 (3), 74–94.

Шюц А., Корбут А. О множественности реальностей. *Социологическое обозрение*, 2003, 3 (2), 3–34.

Anholt S. Beyond the nation brand: The role of image and identity in international relations. *The Journal of Public Diplomacy*, 2012, 2 (1), 6–12.

Bourdieu P. *Choses dites*. Paris: Editions de Minuit, 1987.

Fan Y. Key perspectives in nation image: A conceptual framework for nation branding, 2008. URL:<https://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/1872/4/Key+perspectives+in+nation+image.pdf> (дата обращения: 01.12.2021).

НАО А. W., Paul J., Trott S., Guo C., Wu H.-H. Two decades of research on nation branding: a review and future research agenda. *International Marketing Review*, 2021, 38 (1), 46–69.

Kovács G. How to create a nation? Visualisations of community and national consciousness from the premodern times to the age of globalization. *Creativity Studies*, 2014, 7 (1), 46–54.

REFERENCES

Batalov, E. Ya. (2005). Kakaya Rossiya nuzhna Zapadu [What kind of Russia does the West need]. *Contemporary Europe*, no. 4, 5–20.

- Belgorodskaya, L. V. (2009). *Obraz Rossijskoj imperii na stranicah britanskih i amerikanskikh spravochno-enciklopedicheskikh izdanij XX veka* [The image of the Russian Empire on the pages of British and American reference and encyclopedic publications of the XX century] (Doctoral Thesis). SPb.
- Belinskaya, E. P., Tihomandrickaya, O. A. (2009). *Social'naya psihologiya lichnosti* [Social psychology of personality]. M.: Akademiya.
- Berger, P., Lukman, T. (1995). *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. M.: Medium.
- Gadzhiev, D. V. (2017). Ispol'zovanie marketingovyh i PR-tehnologij pri formirovani i korrkicii imidzha gosudarstvennoj politiki strany [The use of marketing and PR technologies in the formation and correction of the image of the state policy of the country]. *Management of economic systems*, 3 (97), 1–6.
- Galumov, E. A. (2005). *Imidzh protiv imidzha* [Image against image]. M.: Izvestiya.
- Gachev, G. D. (1999). *Nacional'nye obrazy mira: Evraziya: Kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca* [National images of the world: Eurasia: Cosmos of a nomad, a farmer and a mountaineer]. M.: Institut DI-DIK.
- Gachev, G. D. (1995). *Nacional'nye obrazy mira: kosmo-psiho-logos* [National images of the world: cosmo-psycho-logos]. M.: Progress.
- Gucalov, A. A. (2018). Kul'turnyj brend i brending territorii [Cultural brand and territory branding]. *Cultural heritage of Russia*, no. 3, 86–92.
- Dinaburg, S. R. (2016). Sovremennye issledovaniya budushchego: mezhdutopiej i forsajtjom [Modern Future Research: Between Utopia and Foresight]. *Tehnologos*, no. 3, 86–97.
- Dmitrova, E. V. (2002). *Obraz sovremennoj Rossii na stranicah gazety The Guardian* [The image of modern Russia on the pages of The Guardian newspaper]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2002.
- Dubin, B. V. (1995). Social'nyj status, kul'turnyj kapital, cennostnyj vybor: mezhpokolencheskaya reprodukcija i razryv pokolenij [Social status, cultural capital, value choices: intergenerational reproduction and the generation gap]. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, no. 1, 14–18.
- Zamyatin, D. N. (2000). Obraz strany: struktura i dinamika [Country image: structure and dynamics]. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 1, 107–114.
- Zamyatin, D. N. (1998). Politiko-geograficheskie obrazy i geopoliticheskie kartiny mira. Predstavlenie geograficheskikh znaniy v modelyah politicheskogo myshleniya [Politico-Geographical Images and Geopolitical Pictures of the World. Representing Geographic Knowledge in Political Thinking Models]. *Political research*, no. 6, 80–91.
- Zemskov, V. B. (2006). Obraz Rossii «na perelome» vremen [The image of Russia “at the turning point” of times]. *New Russian Humanitarian Studies*, Vol. 25. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=14777560> (accessed 3 December 2021).
- Izmodenova, N. N. (2018). Obraz budushchego Rossii: social'noe voobrazhaemoe [The image of the future of Russia: the social imaginary]. *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 7–14 (9), 96–101.

- Kiselev, I. Yu. et al. (2009). *Rossiya v «Gruppe vos'mi»: imidzh versus obraz* [Russia in the G8: Image Versus Image]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kiselev, I. Yu., Smirnova, A. G. (2006). *Dinamika obraza gosudarstva v mezhdunarodnyh otnosheniyah* [Dynamics of the image of the state in international relations]. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kuz'men, O. V. (2013). Nastoyashchee i budushchee Rossii v cennostnyh orientatsiyah i predstavleniyah studencheskoj molodezhi [The present and the future of Russia in the value orientations and ideas of student youth]. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*, 6 (118), 139–147.
- Kuril'ski, Sh., Arutyunyan, M. Yu., Zdravomyslova, O. M. (1996). *Obrazy prava v Rossii i Francii* [Images of law in Russia and France]. M.: Aspekt Press.
- Ljubimov, Yu. V. (2007). Znanie kak obraz i sobytie [Knowledge as an image and an event]. *Philosophical Sciences*, no. 4, 96–113.
- Maximova, S. G., Noyanzina, O. E., Omel'chenko, D. A., Goncharova, N. P. (2017). Vospriyatie grazhdanskikh obrazov v predstavleniyah naseleniya prigranichnyh regionov Rossii [Perception of civic images in the perceptions of the population of the border regions of Russia]. *National Security / nota bene*, 4 (51), 50–70.
- Maximova, S. G., Omel'chenko, D. A., Noyanzina, O. E., Surtaeva, O. V. (2019). Grazhdanskije praktiki i bazovye modeli uchastiya naseleniya v obshhestvennoj zhizni v sovremennom sibirskom regione [Civil practices and basic models of population participation in public life in the modern Siberian region]. *Society and Security Insights*, 2(3), 13–50.
- Mamut, L. S. (1998). Obraz gosudarstva kak algoritm politicheskogo povedeniya [The image of the state as an algorithm of political behavior]. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 6, 85–97.
- Matveevskaya, A. S., Pogodina, V. L. (2017). Ispol'zovanie ob'ektov prirodnoho i kul'turnogo naslediya Rossii v kachestve turistskikh brendov strany [Using objects of natural and cultural heritage of Russia as tourist brands of the country]. In: *Prirodnoe i kul'turnoe nasledie: mezhdisciplinarnye issledovaniya, sohranenie i razvitie* [Natural and Cultural Heritage: Interdisciplinary Research, Conservation and Development] (pp. 350–354).
- Mitina, O. V., Petrenko, V. F. (2009). Psihosemanticheskij analiz imidzha gosudarstva: rekonstrukciya i izmerenie [Psychosemantic analysis of the state image: reconstruction and measurement]. *Psychological magazine*, 30(3), 16–27.
- Muha, V. N. (2013). Obraz strany i obraz naroda: rossiyane o Belarusi i belorusah [The image of the country and the image of the people: Russians about Belarus and Belarusians]. *Theory and practice of social development*, no. 9, 80–82.
- Nistratov, A. A. (2015). Obraz Rossii v predstavlenii inostrancev [The image of Russia as seen by foreigners]. *Questions of psycholinguistics*, no. 23, 33–42.
- Petrenko, V. F. (2012). Psihosemantika soznaniya kak forma konstruktivizma i ispol'zovaniya matematicheskikh metodov v gumanitarnykh naukah [Psychosemantics of consciousness as a form of constructivism and the use of mathematical methods in the humanities]. *Human Factor: Social Psychologist*, no. 2, 97–116.

- Petrenko, V. F., Mitina, O. V. (2017). Psihosemanticheskaya metodika «obraz strany» i ee ispol'zovanie dlya analiza vospriyatiya stran mira [The psychosemantic method “image of the country” and its use to analyze the perception of the countries of the world]. In: *Perspektivy psichologicheskoy nauki i praktiki: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Perspectives of Psychological Science and Practice: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference], (pp. 326–331).
- Petrenko, V. F. (2005). Psihosemanticheskie aspekty kartiny mira sub'ekta [Psychosemantic aspects of the subject's worldview]. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2(2), 3–23.
- Petrovskij, A. V., Yarosheskij, M. G. (1998). *Osnovy teoreticheskoy psichologii* [Foundations of theoretical psychology]. Moscow.
- Pishcheva, T. N., Vinogradova, N. S., Nedova, A. D. (2010). Obraz Rossii pod uglom zreniya politicheskikh kommunikacij [The image of Russia from the point of view of political communications]. *Political research*, No. 4, 107–121.
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of language]. Voronezh: Istoki.
- Popova, M. V. (2017). Social'no-politicheskij orientir territorial'nogo brenda [Socio-political landmark of the territorial brand]. *Izvestia Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*, no. 22, 203–210.
- Prorok, V., Cupalova, M. (2013). Obraz Rossii v predstavlenijah cheshskoj obshhestvennosti i SMI [The image of Russia in the views of the Czech public and the media]. *Polit-Book*, no. 4, 47–60.
- Ryabov, O. V. (2000). “Mother Russia”: gendernyj aspekt obraza Rossii v zapadnoj istoriosofii [“Mother Russia”: the gender aspect of the image of Russia in Western historiosophy]. *Social Sciences and Contemporary World*, no. 4, 116–122.
- Semenenko, I. S. (2008). Obrazy i imidzhi v diskurse nacional'noj identichnosti [Images and images in the discourse of national identity]. *Political research*, no. 5, 7–18.
- Sotkov, O. L. (2017). Obraz budushchego Rossii v predstavlenii molodezhi Tyumenskoj oblasti [The image of the future of Russia as seen by the youth of the Tyumen region]. *Theory and Practice of Social Development*, no. 6, 40–43.
- Telegina, K. I. (2014). Ponyatie i struktura imidzha gosudarstva [The concept and structure of the image of the state]. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*, 12–2 (50), 191–194.
- Ter-Minasova, S. G. (2010). Yazyk i nacional'naya bezopasnost' (sovremennyy aspekt problemy) [Language and national security (modern aspect of the problem)]. *Values and Meanings*, No. 6 (9), 25–33.
- Ulanovich, O. I. (2010). Jazykovoje soznanie: osobennosti struktury v usloviyah dvujazychiya [Linguistic consciousness: structural features in a bilingual environment]. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 1(9), 44–51.
- Chesnov, Ya. V. (1991). *Etnicheskij obraz. Etnoznakovye funkcii kul'tury* [Ethnic image. Ethno-sign functions of culture]. Moscow.

Shapovalov, V. F. Vosprijatie Rossii na Zapade: mify i real'nost' [Perception of Russia in the West: Myths and Reality]. *Social Sciences and Contemporary World*, 2000, No. 1, 51-67.

Shestopal, E. B., Smul'kina, N. V., Morozikova, I. V. (2019). Sravnitel'nyj analiz obrazov svoej strany u zhitelej rossijskih regionov [Comparative analysis of the images of their country among residents of Russian regions]. *Comparative policy*, 10 (3), 74-94.

Schutz, A., Korbut, A. (2003). O mnozhestvennosti real'nostej [On the multiplicity of realities]. *Sociological Review*, 3 (2), 3-34.

Anholt, S. (2012). Beyond the nation brand: The role of image and identity in international relations. *The Journal of Public Diplomacy*, 2 (1), 6-12.

Bourdieu, P. (1987). *Choses dites*. Paris: Editions de Minuit.

Fan, Y. (2008). *Key perspectives in nation image: A conceptual framework for nation branding*. Available at: <https://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/1872/4/Key+perspectives+in+nation+image.pdf> (accessed 1 December 2021).

Hao, A. W., Paul, J., Trott, S., Guo, C., Wu, H.-H. (2021). Two decades of research on nation branding: a review and future research agenda. *International Marketing Review*, 38 (1), 46-69.

Kovács, G. (2014). How to create a nation? Visualisations of community and national consciousness from the premodern times to the age of globalization. *Creativity Studies*, 7 (1), 46-54.